



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 383–390  
*Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 383–390  
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-383-390>, EDN: UNNJRQ

Научная статья  
УДК [94:323.26](470.44)|1921|+929

## Идеология и практика антибольшевистской «Крестьянской войны» 1921 года в Саратовском Поволжье



А. А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, [a.a.german@mail.ru](mailto:a.a.german@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>, AuthorID Scopus: 0000-0001-7571-7645, AuthorID РИНЦ: 296863

**Аннотация.** Статья посвящена массовому сопротивлению крестьян Саратовского Поволжья в 1921 г. политике военного коммунизма большевистской власти. Оно приобрело вооруженный характер и сопровождалось как боевыми действиями стихийно сформированных отрядов, перемещавшихся по территории региона и занимавших определенные местности и населенные пункты, так и общим сопротивлением крестьян фактически каждого села мероприятиям продразверстки. Война носила жестокий характер, сопровождалась безграничным насилием и массовым уничтожением представителей противной стороны. Исследуются конкретные программные документы крестьянского сопротивления, выявляются их идеологические корни в эсеровских теоретических установках.

**Ключевые слова:** Саратовское Поволжье, крестьянская война, идеология крестьянского сопротивления, практика вооруженных столкновений, А. Антонов, К. Вакулин, Ф. Попов, М. Пятаков, А. Сапожков

**Для цитирования:** Герман А. А. Идеология и практика антибольшевистской «Крестьянской войны» 1921 года в Саратовском Поволжье // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 383–390. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-383-390>, EDN: UNNJRQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

### Ideology and practice of the anti-Bolshevik “Peasant War” of 1921 in the Saratov Volga region

A. A. German

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Arkadiy A. German, [a.a.german@mail.ru](mailto:a.a.german@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>, AuthorID Scopus : 0000-0001-7571-7645, AuthorID: 296863

**Abstract.** The article is devoted to the mass resistance of the peasants of the Saratov Volga region in 1921 to the policy of “war communism” of the Bolshevik government. It acquired an armed character and was accompanied both by the fighting of spontaneously formed detachments moving across the territory of the region and occupying certain localities and settlements, and by the general resistance of the peasants of virtually every village to the prodrazverstka measures. The war was brutal, accompanied by mass violence and the destruction of representatives of the opposing side. The author examines specific program documents of the peasant resistance, revealing their ideological roots in the Socialist-Revolutionary theoretical principles.

**Keywords:** Saratov Volga region, peasant war, ideology of peasant resistance, practice of armed clashes, A. Antonov, K. Vakulin, F. Popov, M. Pyatakov, A. Sapozhkov

**For citation:** German A. A. Ideology and practice of the anti-Bolshevik “Peasant War” of 1921 in the Saratov Volga region. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 383–390 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-383-390>, EDN: UNNJRQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Победив своих политических противников в Гражданской войне и монополюбно господствуя в жизни страны, большевики и в мирных условиях продолжали управлять обществом военными методами, считая их наиболее эффективными.

Принуждение как основной метод строительства нового общества признавался необходимым и единственно возможным. Российское крестьянство все настойчивее выражало нежелание мириться с удушавшей хозяйственную инициативу



экономической политикой большевиков. Они же расценивали военный коммунизм не только как сумму вынужденных войной чрезвычайных мер, но и как прорыв к созданию нетоварной, истинно социалистической экономики. В новых, мирных, условиях, говорили они, крестьянам следует исправно поставлять в город хлеб по подразверстке, а власть оперативно восстановит на этой основе разрушенную за годы лихолетья промышленность, вернет крестьянам долг – и тогда, «выйдет у нас коммунистическое производство и распределение» [1, с. 157].

В ответ один за другим в разных концах страны (Тамбовщина, Среднее Поволжье, Дон, Кубань, Западная Сибирь и др.) вспыхивают антибольшевистские восстания крестьян. Недовольство перебрасывается и в вооруженные силы. В марте 1921 г. происходит Кронштадтское восстание моряков. В городах нарастает волна массовых забастовок и демонстраций рабочих. В стране возникает серьезный политический кризис.

О различных аспектах крестьянской войны в Саратовском Поволжье в разное время писали исследователи М. Левинсон [2, с. 97], Р. Таубин [3], С. А. Есиков и Л. Г. Протасов [4], В. П. Данилов [5, 6], А. В. Посадский [7], А. А. Герман [8–10], Д. Рейли (США) [11], А. В. Гончаров и В. Н. Данилов [12], В. В. Кондрашин [13, 14]. Новые документы, обнаруженные в архивных фондах, позволяют расширить и уточнить наши представления о крестьянской войне в Саратовском Поволжье.

\* \* \*

В Саратовском Поволжье низкий урожай 1920 г., новые попытки силой реквизировать зерно у крестьян и ухудшающаяся в целом экономическая ситуация вызвали повсеместное недовольство в селах, особенно когда тысячи красноармейцев – крестьян вернулись домой, к своим семьям. В Саратовской и Самарской губерниях появились вооруженные крестьянские отряды или, как их называли большевики, «банды» [11, с. 167]. Постепенно в Саратовском Поволжье, как и во многих других регионах страны, разразилась настоящая крестьянская война.

Первое известие о появлении крестьянских отрядов в пределах Саратовского Поволжья относится к середине лета 1920 г. Небольшие группы атамана Александра Антонова (бывшего советского продкомиссара) из Тамбовской губернии перебираются в Балашовский и Сердобский уезды. Саратовские власти оказались перед серьезной опасностью. В. И. Ленин в то время отмечал, что эта «контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые» [15, с. 24]. Серьезность положения подтверждалась появлением у восставших собственной идеологии. Для большевиков это

было опасно потому, что с началом агитации, образованием агитационных отделов при штабах повстанцев под их знамена стало прибывать большое количество крестьян, измученных военно-коммунистическими методами управления деревней.

Агитацией у восставших крестьян занимались в основном представители партии эсеров. Использовались сложившаяся противоречивая ситуация в обществе, недовольство крестьян политикой РКП (б) в деревне. Восстание в Саратовском Поволжье получило название «Восстание голодных крестьян Поволжья». Эсеры разработали программу крестьянского движения, которая нашла свое воплощение в многочисленных «декларациях», «воззваниях», «приказах».

11 марта 1921 г. Парижское радио сообщило о восстании в Саратове и образовании антибольшевистской Саратовской республики [16, л. 28]. Этот факт американский историк Д. Рейли счел неправдоподобным [11, с. 180], однако в то время крестьянские волнения реально охватили обширную территорию Саратовского Поволжья, а Саратов и другие города крестьянскими повстанцами были фактически блокированы [7, с. 341].

При анализе содержания программных и агитационных документов, которыми пользовались лидеры восставших против большевиков крестьян, бросается в глаза их содержательная близость, что подтверждает вывод об эсерах как единичных идейных руководителях и организаторах крестьянских восстаний. Приведем фрагменты из воззвания «Революционного штаба и командующего восставшими голодными крестьянами Поволжья» Михаила Пятакова: «Признавая за коммунизмом великое будущее, идеи его священными, новая революционная власть ни в коем случае не имеет в виду силу штыка противопоставить этой идее, а борется с насильниками – комиссарами, спекулировавшими на знамени коммунизма, а также не принимает и борется с принудительной государственной коммуной, считая, что увлечение всякого рода идеями право всякого человека, и меньшинство не имеет право навязывать большинству народа свою волю...». Далее «Революционный штаб и командующий» заявляли, что будут бороться со всякими попытками справа и слева навязывать власть народу, «которая должна быть только избранная по принципу всеобщего избирательного права...» [9, с. 97].

Из этого фрагмента явствует, что идеологи крестьянского восстания выступали не против Советской власти, а против политики военного коммунизма, которую проводили большевики в 1918–1920 гг.

В том же духе агитировали и другие вожаки крестьянских повстанцев в Саратовском Поволжье, в частности, Кирилл Вакулин и его преемник Федор Попов. Они провозглашали «Советскую власть без коммунистов». Известный



руководитель тамбовских восставших крестьян А. Антонов, повстанцы которого действовали и на территории Саратовской губернии, ратовал за Учредительное собрание, а про Советскую власть не упоминал вообще. Он призывал к патриотизму и очищению России от ига большевизма, обращаясь в основном к красноармейцам. Как видим, в отличие от других вожakov крестьянского восстания, идейные установки А. Антонова несли в себе и некоторые элементы программы партии кадетов.

К. Вакулин в своих воззваниях заявлял, что он не против Советской власти, но против комиссаров и коммунистов: «Я такой же, как и вы, рядовой крестьянин; всю гражданскую войну сражался на красных фронтах против буржуазии, для меня дороги завоевания великой нашей Революции» [3, с. 97]. К. Вакулин сравнивал власть большевиков с прежним царским режимом: «...Мало того, что у ваших семей отобрали хлеб и скот, насильники додумались даже до того, что отбирали постель, чашки и ложки, это такое издевательство, до которого не додумались даже опытные в том деле жандармы Николая Кровавого». Свои отряды он называл «освободителями, которые несут правду и освобождение трудовому народу» [17, л. 7].

Ф. Попов особое внимание уделял печатной агитации. Захватив Хвалынский, он успел отпечатать в местной эсеровской типографии множество различных воззваний. Как только Ф. Попов со своими отрядами взял Хвалынский, он тут же издал приказ, который обязаны были выполнять все жители города. Приведем фрагменты этого интереснейшего документа: «Обращаюсь к гражданам города Хвалынска, что я иду только против насилия комиссаров-коммунистов и даю освобождение русскому народу.

Приказываю.

1. Всем учреждениям с 9 часов утра приступить к работе, которая будет контролироваться восставшими войсками и всякий саботаж будет пресекаться.

2. Никакие обыски и аресты не должны производиться без особого на то разрешения моего, или следственной комиссии восставшего отряда.

3. Хожение по улицам разрешается только до 12 часов ночи, после чего пойманные будут арестованы.

4. Все вещи, которые были конфискованы коммунистами для нужд Советских учреждений, будут возвращены обратно их хозяевам, но никакие самочинные изъятия из учреждений — не допускаются.

5. Выезда, до особого на то распоряжения — из города не допускается» [17, л. 18].

Из документа видно, что беспорядков и анархии восставшими не допускалось. Было даже введено, как бы мы сейчас сказали, чрезвычайное положение: комендантский час и ограничение передвижения горожан.

Очень многие документы Ф. Попова имели подпись: «Агитационный отдел». Одно из таких обращений, адресованное коммунистам, гласит: «Уйдите от власти! Ваш союзник — Азия. Вы, отчаявшиеся, озлобленные против Европы, которая не захотела признать вашей диктатуры, бросились искать друзей в Азии. Будируя Восток, вы звали оттуда на борьбу с Европейской культурой азиатчину» [17, л. 18].

Ф. Попов устанавливает власть «Революционного военного совета пяти». Такие новые органы власти в созданных большевиками продовольственных районах должны были состоять только из 5 чел. — одного председателя и 4-х членов. Секретари могли быть лицами приглашенными, члены комитетов избирались общим собранием «союза трудового крестьянства». Существовали еще волостные и сельские комитеты, состоявшие из трех лиц, при которых организовывались вооруженные отряды «внутренней охраны». Количество вооруженных людей ограничивалось: при районных комитетах должно было состоять 10 чел., при волостных — 5 чел. и сельских — 2 чел. Обязанности этих новых органов власти строго регламентировались. Они должны были держать тесную связь между собой, следить за порядком, предотвращать провокации и шпионаж [17, л. 13].

В программе Ф. Попова новая система власти обосновывалась следующим образом: «Бюрократически-коммунистический аппарат власти, создавший армию новых бюрократов — комиссаров, которые кроме вреда ничего не приносят, — такая власть отныне заменяется простым, подходящим к самобытности русского народа аппаратом Совета Пяти и Совета Трех, избираемым на общих собраниях, и вся власть на местах переходит к этим Советам и никаким ограничениям не подлежит» [2, с. 95].

Программа также провозглашала свободу действий всех российских политических партий, за исключением монархистов-черносотенцев, однако в ней отмечалось, что «их деятельность ограничивается политико-парламентарной областью и посягательство партий на захват государственной власти будет считаться узурпацией и пресекаться самым беспощадным образом» [2, с. 95].

Можно утверждать, что программа, содержащая отмеченные выше положения, была более чем демократической для России того времени. Несомненно, привлекательной, особенно для крестьянства, являлась экономическая ее часть: «... Разорённая трехлетним владычеством комиссаров-коммунистов, Россия нуждается в интенсивном экономическом исправлении, а посему новая революционная власть объявляет свободную торговлю, как переходную степень к социалистической кооперации, и отменяет всякого рода государственную монополию на жизненные продукты и фабрикаты. < ...>



Признавая мелкую частную собственность в земельной и фабрично-заводской областях, новая власть будет бороться с крупным капитализмом, допуская концентрацию капитала и земель только в руках артельных и кооперативных организаций» [2, с. 98].

В национальной политике программы Ф. Попова содержалось признание в качестве основополагающего принципа «самоопределения народностей и областей». Особого внимания заслуживает внешнеполитический раздел программы: «... Одним из величайших преступлений коммунистической власти стал отказ работать с демократией России, Европы и Америки, следствием чего были блокада и бойкот России, и её экономический упадок. Новая революционная власть ставит своей ближайшей задачей завязать самые близкие отношения с упомянутыми демократическими объединениями через своих представителей – социалистов, которых коммунистическая власть, по примеру Николая Кровавого, изгнала из своей Родины, и участие которых в строительстве России новая власть считает необходимым» [2, с. 98].

Анализ программы Ф. Попова позволяет сделать вывод, что это программа «социализма с человеческим лицом», выражаясь современным языком, и она похожа на ту, которую чуть позже был вынужден выдвинуть вождем большевиков В. И. Ленин. Речь идет о программе новой экономической политики (нэп).

Важно отметить, что программа Ф. Попова являлась программой-минимум всех объединенных сил антибольшевистской направленности, или сил «контрреволюции», поскольку, начиная от эсеров и заканчивая представителями крупной буржуазии (которым, однако, нет места в обновленной России, судя по вышеупомянутой программе), все отлично могли сойтись на платформе восстановления свободы торговли и отстранения коммунистов от власти. Эта программа фактически представляла собой основу нормального функционирования любого общества, а главное – за ней шла большая часть крестьянства, уставшая от Гражданской войны, недовольная разверсткой, стеснением свободы своей хозяйственной деятельности. Выступления против большевистской гегемонии были стихийным проявлением этого недовольства, что своевременно поняли и учли В. И. Ленин и его сторонники на X съезде РКП (б).

Агитационные органы восставших крестьян не только «выпускали в свет» листовки и воззвания, не только публиковали свои политические программы, но и издавали газеты. Так, например, К. Вакулиным в Усть-Медведицком округе Области Войска Донского выпускалась газета «Вольный гражданин». Это был печатный орган временной революционной Пятёрки Усть-Медведицкого округа. В ней населению разъяснялась

позиция восставших, их идеи и т. д. Умелыми агитаторами даже сочинялись и печатались стихи, посвященные «правому делу» повстанцев [18, л. 3–12].

Не забыли также повстанческие лидеры и русскую интеллигенцию, которая не была еще окончательно уничтожена большевиками. Они обращались к ней с призывом поддержать их власть, «оказать помощь в строительстве разорённой комиссарами и коммунистами республики» [17, л. 25].

В самом Саратове повстанцы через подпольные эсеровские организации пытались создать свой нелегальный центр, тайно распространяли свою литературу, подготавливая и зондируя почву для будущего открытого выступления. По словам эсера Л. Дашевского, Саратов должен был стать центром восстания в Поволжье [19, л. 28]. Там было сильно военно-эсеровское подполье, однако его работа в значительной мере парализовалась успешными действиями органов ЧК. Превратить Саратов в центр восстания против большевистской власти в этом регионе не удалось, что послужило одной из существенных причин разрозненности и последующего поражения крестьянских восстаний.

\* \* \*

Рассмотрим действия крестьянских повстанческих отрядов. Первым отрядом повстанцев, оказавшимся на территории Саратовского Поволжья, стал отряд А. Сапожкова – сына самарского крестьянина, некоторое время состоявшего в партии левых эсеров. Затем он становится членом ВКП (б) и в 1918 г. – председателем Новоузенского Совета. В рядах Красной Армии дослужился до начальника дивизии. 13 июля 1920 г. бывший начальник дивизии Красной Армии начал восстание против коммунистов в Бузулуке. Два месяца его отряд совершал рейды по Заволжью и прилегающим районам Урала. В конце июля 1920 г. отряд А. Сапожкова насчитывал 1000–1200 чел. [2, с. 173] и представлял собой серьезную военную силу.

С лозунгами «Долой хлебную монополию», «Долой комиссаров», «Долой лжекоммунистов» А. Сапожков появился в Новоузенском уезде, где его поддержали крестьяне. Войска Новоузенского гарнизона отступили под артиллерийским огнем сапожковцев.

И все же в сентябре 1920 г. части Красной Армии разгромили А. Сапожкова. Остатки его армии были взяты в плен либо уничтожены. Большевики в документах того периода прямо указывали на то, что была опасность «полного коммунистического низложения» Новоузенского уезда сапожковскими лозунгами и действиями [20, л. 26]. Поход А. Сапожкова в Саратовское Заволжье сказался на продовольственных заготовках, временно прекратили работу волостные и сельские советы.



После разгрома армии А. Сапожкова угроза крестьянских выступлений не миновала. «Сложилась крайне тяжёлая ситуация в связи с налётом Антоновских банд», – говорилось в секретном донесении, направленном в Саратовский губком РКП из Балашова [17, л. 16]. Но это были не банды, это были вооружённые отряды, перед которыми стояла чёткая задача – свергнуть власть большевиков, вернуть крестьянам изъятый у них продотрядами хлеб. Превратив Тамбовскую губернию в свою базу, в плацдарм для будущих походов «против красных палачей», 5 октября 1920 г. А. Антонов вторгся в Саратовскую губернию. Вторжению подверглись, как уже отмечалось, Балашовский и Сердобский уезды. Это событие стало грозным предупреждением Саратовским властям! Если вторжения небольших отрядов А. Сапожкова большевики не восприняли всерьёз и за это поплатились, то ответом на новые события в губернии явилось создание большевиками специального органа. Губком организовал при командующем Саратовской группой войск, действовавших против А. Антонова, реввоенсовет (тройку), ввел в него члена Губкома В. Лиде и председателя Губчека Н. Ермилова. Председателем Президиума реввоенсовета стал А. Моторин. 4 января 1921 г. на заседании Чрезвычайного секретного заседания Президиума Губисполкома был создан Штаб управления реввоенсовета, находившийся в Саратове на улице Царицынской (ныне – улица Первомайская) в доме № 6 [19, л. 2]. Реввоенсовету было дано задание «правильно определить сущность Антоновщины как политического явления», организовать военный разгром А. Антонова, предохранить партийный аппарат в Балашовском и Сердобском уездах «от разложения». Последнее было актуально, так как очень многие коммунисты в условиях создавшейся обстановки начали выходить из рядов РКП (б). Для этого уместно привести такой яркий пример, как выход из рядов РКП (б) 15 железнодорожников. В волостях, затронутых военными действиями, выход из партии составил от 5 до 10 чел. из каждой организации [16, л. 17]. Это были уже основания для того, чтобы саратовские большевики «схватились за голову». Однако А. Антонов, уничтожив 23 коммуниста, неожиданно скрылся. Его армия, насчитывавшая уже 9000 чел., вновь появилась в Саратовском Поволжье в январе 1921 г. [21, с. 89]. Действия А. Антонова (убийства продработников, коммунистов и членов их семей) заставили уйти в подполье местные партийные организации.

Большевики характеризовали действия антоновской армии как акции белогвардейцев и даже утверждали, что А. Антонов имеет связь с П. Врангелем [16, л. 17]. Однако совершенно очевидно, что А. Антонов и другие вожди крестьянского восстания были связаны с подпольными эсерскими организациями, которые

сохранились и действовали в сельской местности, несмотря на преследования большевиков.

Вполне возможно, что партия эсеров прямо не участвовала в организации этого крестьянского мятежа, но отдельные ее представители делали это весьма охотно. Так, например, в Трескинской, Камышинской и Курдюмской волостях восстанием, теперь уже местных крестьян, руководил некий Иван Егорович Ишин, член партии социалистов-революционеров, с 1905 г. сидевший в царских тюрьмах, по слухам чуть ли не «правая рука» самого А. Антонова [22, л. 6]. Эсеры помогали А. Антонову, передавая ему списки коммунистов и красноармейцев, проживавших в сельской местности. Призывы и агитация проводилась и подготавливалась так же, именно эсерами. В каждом селе А. Антонов выступал перед крестьянами, он обращался к сельскому сходу с призывами покончить с Советской властью и восстановить Учредительное Собрание.

Во всех деревнях и селах, через которые проходили антоновцы, все, кто был хоть как-то связан с продразверсткой, расстреливались, общественные амбары разбивались, и, к великой радости изголодавшихся крестьян, хлеб раздавался всем желающим. Сельские советы заменялись «пятерками». Пройдя Балашовский уезд, А. Антонов направился в Сердобский уезд. Он находился там с 6 по 12 марта 1921 г. и действовал по старой схеме так же, как и в Балашовском уезде. Всего рейд А. Антонова захватил 15 волостей [23, л. 51].

В январе 1921 г. в Саратовском Поволжье появились повстанческие отряды Кирилла Вакулина. С 1918 г. К. Вакулин – красный командир, участник Гражданской войны, бывший коммунист. 20 декабря 1920 г. караульный батальон, дислоцированный в Усть-Медведицком округе, поднял восстание против большевиков. Руководил этим мятежом командир этого батальона К. Вакулин. Сами коммунисты были ошеломлены. Истинных причин они не знали, но пытались принизить роль К. Вакулина, объявляли крестьянского лидера сумасшедшим, объясняли, что его на такой «гнусный» (в их понимании) шаг заставил пойти сифилис последней стадии и невращения на почве этой ужасной болезни [23, л. 103].

В январе повстанческие формирования из Усть-Медведицкого округа во главе с «командующим восставшими войсками» К. Вакулиным осуществили свой первый рейд – преимущественно по территории области немцев Поволжья. Этот поход носил большей частью разведывательный характер. Изучалось настроение крестьянства, обострялось путем агитации его недовольство, подбирались и готовились будущие руководители повстанческого движения в селах, создавались тайники и склады оружия. Одновременно разоружались и разгонялись продотряды [9, с. 96].



Как А. Антонов и А. Сапожков, К. Вакулин, словно Робин Гуд, раздавал хлеб голодным и малоимущим. Население радостно встречало К. Вакулина и его бойцов. Из источников можно узнать, что примерно 50% населения сочувственно относилось ко всем его действиям. Вернувшись в Усть-Медведицкий округ, К. Вакулин далее направился в сторону Камышина, где его отряды быстрыми темпами стали пополняться сочувствующими казаками и добровольно переходившими на его сторону бойцами противостоявших ему мелких частей Красной Армии. В феврале его войска захватили Камышин [9, с. 96; 17, л. 105]. Расправляясь с коммунистами и советскими работниками, К. Вакулин выдвигал лозунги, которые требовали многопартийной системы и введения свободной торговли. Своими действиями он спровоцировал крестьянские выступления в большинстве уездов Саратовской губернии, под его влиянием среди местных крестьян стали формироваться отряды, которые присоединялись к нему и действовали вместе с ним. Не известно, чем бы завершилась деятельность К. Вакулина, если бы в его судьбу не вмешался случай. В феврале 1921 г. он погиб в одном из боев на юго-востоке автономной области немцев Поволжья [2, с. 97].

На смену К. Вакулину пришли сразу несколько лидеров. Один из них, уже упоминавшийся Ф. Попов, действовал на севере Саратовского Поволжья и сумел захватить Хвалынский. Это произошло 18 марта 1921 г. [23, л. 59]. При наступлении Ф. Попова на Хвалынский большевики не создали организованную оборону, серьезного сопротивления ему не оказали. Когда восставшие вошли в город, то отряд особого назначения, состоявший из местных коммунистов, просто разбежался. Охранная рота вообще была взята в плен прямо в своих казармах. Власти сбежали из города. Как говорится в одном из докладов о положении дел в то время, «перед боем, власти одни, без отряда выехали из города, не захватив с собой что-нибудь ценное (было брошено в банке 100 млн. рублей). Отъехав на 25 верст от Хвалынского, они дали распоряжение по всему уезду эвакуироваться, чем подложили большую свинью и Кузнецку» [17, л. 59].

Напуганных представителей Советской власти, однако, удалось вернуть обратно. По словам очевидцев, над таким поступком посмеивались даже местные крестьяне [24, л. 71]. Подобные действия не были редкостью там, где власть коммунистов была не особенно крепкой. При подходе повстанческих полков партийное руководство предпочитало избегать столкновений и старалось поспешно ретироваться чаще всего в Саратов или вообще в другие губернии, бросая и вверенных им людей, и имущество.

В результате побега руководства из Хвалынского вся северная часть Кузнецкого уезда оказалась открытой. Были брошены ссыпные пункты

и произошло изъятие местными крестьянами свыше 30 тыс. пудов зерна. В г. Кузнецке было введено осадное положение. Если бы Ф. Попов решил идти на Кузнецк, то он мог бы взять его без всякого труда. Сил у кузнецких коммунистов не было. Около 200 чел., плохо вооруженных, не имели ни одного пулемета, а соседние города в помощи отказали. Однако Кузнецку повезло. Он не стал объектом нападения, выстоял благодаря еще и гибкой политике местных большевиков. Созданный в городе Ревком за 3 дня распределил между крестьянами семена, что произвело очень благоприятное впечатление на сельских жителей уезда. В это же самое время было объявлено постановление X съезда РКП (б) о введении вместо продразверстки натурального налога [24, л. 66].

Из захваченного Хвалынского Ф. Попов направился в Петровский уезд. Движение Попова по территории Саратовской губернии сопровождалось расправами с коммунистами и представителями их власти. Все это происходило при активном участии крестьянского населения [24, л. 71]. Они выдавали семьи коммунистов и их самих на расправу поповцам. Расстрелу подвергались как большевики, так и сочувствовавшие им беспартийные. Их имущество тут же делилось между повстанцами и местными крестьянами. Также имел место разгром совхозов, увод племенных лошадей, изъятие зерна из общественных амбаров и раздача крестьянам семенного фонда. Партийно-советский аппарат большевистской власти на местах был полностью уничтожен. Авторитетом пользовались новые органы власти, созданные Поповым. Даже после разгрома поповских отрядов там еще долго, хотя и частично, существовали выбранные поповские «опертроечки» [23, л. 16].

После известия о решениях X съезда РКП (б) в Москве наметилась некоторая перемена в настроении населения. По сведениям большевиков, крестьяне стали более отрицательно относиться к действиям Ф. Попова, видя в них разорение, прежде всего их хозяйств. Вскоре Ф. Попов был тяжело ранен в одном из боев и умер. Его некогда сильная повстанческая группировка распалась на несколько мелких групп, которые довольно быстро потеряли свою политическую окраску и скатились к уголовщине, занимаясь грабежом и насилием.

В марте того же 1921 г. в Поволжье появился «новый наёмник капитала» (как говорили о нем коммунисты) – командир нескольких крупных повстанческих отрядов, бывший райпродкомиссар Михаил Пятаков [23, л. 103] – еще один преемник убитого К. Вакулина. Он стал «командующим восставшими голодными крестьянами Поволжья» и свои акции осуществлял, главным образом, в Левобережье. Крупной боевой операцией, проведенной им, стало взятие немецкого поселения Ровное (Зельман) – уездного центра области немцев Поволжья [8, с. 8–16].



В начале марта часть повстанцев, тайно перейдя через замерзшую Волгу, расположилась в селах Иловатской волости, что в нескольких десятках километров южнее Ровного. Другая часть сосредоточилась в селах Золотовской волости – на правом берегу Волги напротив Ровного. При поддержке местных крестьян в ночь с 16 на 17 марта повстанцы скрытно подошли к Ровному и с утра напали на село. Нападение стало полной неожиданностью. Караульная рота и конный отряд милиционеров – единственные воинские подразделения большевиков, располагавшиеся в городе, застигнутые врасплох, – серьезного сопротивления повстанцам оказать не смогли.

Поселок был захвачен менее чем за час. И сразу же началась охота за коммунистами, их семьями, советскими, профсоюзными, комсомольскими работниками, красноармейцами и милиционерами. В течение нескольких первых дней после захвата города пятаковцами, таким образом, было уничтожено около 100 чел., причем в расправах принимала участие и определенная часть местного населения.

М. Пятаков, по данным большевиков, «разграбил» 900 тыс. пудов хлеба [22, л. 103]. В дальнейшем под контроль повстанческих отрядов М. Пятакова и поддерживавших его местных крестьянских формирований перешла почти вся территория области немцев Поволжья, Покровского уезда, часть территории Пугачевского и Новоузенского уездов. Ликвидация крестьянских войск М. Пятакова проводилась с конца марта регулярными частями Красной Армии и продолжалась до конца апреля. Остатки пятаковцев рассыпались на мелкие группы, довольно быстро скатившиеся к бандитизму.

Кроме отмеченных выше, в Саратовском Поволжье оперировали отряды таких полевых командиров, как Еремеев, Рожков, Кузнецов, Серов, Барадулин, Сафонов, Сарафонкин и др. Однако территории их действия и активность были существенно меньше, чем у руководителей крестьянского сопротивления, охарактеризованных выше. На протяжении 1921 г. имели место также стихийные выступления и бунты крестьян некоторых сел как в Правобережье, так и в Заволжье. Все эти антибольшевистские выступления и действия были подавлены красноармейскими частями. Таким образом, в течение всего 1921 г. в Саратовском Поволжье велись боевые действия. Восстания в отдельных волостях то прекращались, то вспыхивали с новой силой.

Осень 1921 г. ознаменовалась новыми крупными столкновениями частей РККА и ВЧК с основными силами Антонова, отряды которого все еще находились в пределах Саратовской губернии. Избегая встреч с основными силами большевиков, антоновские части действовали в Балашовском уезде, занимая то одно село, то другое. Командовал Балашовским отрядом

«красных» коммунист А. Вишняков. Именно ему было поручено ликвидировать отряды антоновцев. Отряд насчитывал 200 штыков, а также имел хорошо слаженный разведывательный аппарат. Позже, в ходе пополнения отряда, он насчитывал уже 3 роты по 110 чел., 4 роты по 131 чел., 23 кавалериста, имелись также два пулемета [23, л. 109]. 5 октября началось преследование А. Антонова всеми вышеперечисленными силами. Проехав села Лядовка, Северки, красноармейцы остановились в с. Макарово. Проходя ранее эти села, А. Антонов сурово расправлялся с продработниками и коммунистами, нередко жестоко вел себя по отношению и к простым крестьянам, под угрозой расстрела заставляя их вступать в его отряд.

6 октября в Перевесенке разведчики «красных» встретились с разведкой А. Антонова. Характерно, что, желая скомпрометировать большевиков в глазах местного населения, антоновские разведчики имели на одежде красные банты и красноармейские значки на фуражках. Даже сами «истинные» красноармейцы вначале не поняли, с кем имеют дело, и просто растерялись. Однако после выяснения отношений, кто есть кто, начался бой за с. Перевесенка. Антоновцев в том бою участвовало довольно много – 250 всадников, у них имелось также 2 пулемета. Большевикам все же удалось вытеснить противника. Отступая на Турки, повстанцы повернули на Михайловку. Устроить «красным» засаду в Михайловке им не удалось. Потерпев очередное поражение и даже потеряв в бою знамя с надписью: «Да здравствует трудовой народ, долой большевизм и коммунизм», антоновцы отступили в Студенку, а затем в Нижнюю Родионовку. У А. Антонова было много раненых, которых он забирал с собой [25, л. 110]. Решительными ударами большевикам удалось вытеснить А. Антонова из Балашовского уезда, а чуть позже и с территории Саратовской губернии.

К этому времени в Саратовском Поволжье стали проявляться отдельные позитивные изменения в политике большевиков, связанные с переходом к нэпу. Отмена продразверстки и разрешение продажи «излишков» продуктов своего труда для сельских жителей способствовали их успокоению и налаживанию мирной жизни.

Однако Саратовское Поволжье уже входило в новые испытания: как следствие трехлетней политики продразверстки, быстро разрастался тотальный голод 1921–1923 гг. со всеми его тяжелейшими последствиями.

#### Список литературы

1. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 44. М. : Политиздат, 1970. С. 155–175.
2. Левинсон М. Контрреволюция в Саратовской губернии 1918–1921 // 1917 год в Саратове. Саратов : Изд. Обкома ВКП(б), 1927. С. 84–106.



3. Таубин Р. Разгром кулацкого мятежа Сапожкова // Борьба классов. 1934. № 12. С. 56–62.
4. Есиков С. А., Протасов Л. Г. «Антоновщина»: Новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 47–57.
5. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг. : документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М. : РОССПЭН, 2002. 944 с.
6. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина»: документы и материалы / под ред. В. П. Данилова. Тамбов : Архивный отдел администрации Тамбовской области, 1994. 333 с.
7. Посадский А. В. Саратовское крестьянство в условиях гражданской войны // КЛИО. СПб., 1997. № 3. С. 20–25.
8. Герман А. А. Крестьянская война в области немцев Поволжья // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 3, ч. 2. Саратов : Научная книга, 1999. С. 12–27.
9. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941. 2-е изд., испр. и доп. М. : МСНК-пресс, 2007. 576 с.
10. Герман А. А. Трансформация национальной идентичности поволжских немцев в 1918–1941 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 340–345. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-3-340-345>
11. Рейли Д. Антибольшевистские волнения в Саратове и Саратовской губернии в конце гражданской войны // Военно-исторические исследования в Поволжье : сб. науч. тр. / ред. кол. А. А. Герман [и др.]. Вып. 4. Саратов : Научная книга, 2000. С. 167–193.
12. Гончаров А. В., Данилов В. Н. Саратовской Поволжье в период гражданской войны (1918–1921 гг.). Саратов : Издательство Саратовского педагогического института, 2000. 219 с.
13. Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М. : Янус-К, 2001. 542 с.
14. Кондрашин В. В. «Сильные» и «слабые» в крестьянских восстаниях 1918–1921 гг. (на материалах Поволжья) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений / отв. ред. Л. В. Милов. М. : Янус-К, 2000. С. 150–154.
15. Ленин В. И. X съезд РКП (б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 43. С. 1–127.
16. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 27 [Саратовский губком ВКП (б)]. Оп. 2. Ед. хр. 313.
17. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 326.
18. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 328.
19. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 318.
20. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 801.
21. Посадский А. В. Николаевский и Новоузенский уезды Самарской губернии на карте гражданской войны // Гротовские чтения – 2018 : материалы Всероссийской научной конференции (Самара, 15–16 ноября 2018 г.) / отв. ред. Н. М. Малкова. Самара : Арт-Лайт, 2019. С. 84–90.
22. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 317.
23. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 316.
24. ГАНИСО. Ф. 138 (Волжский райком КП РСФСР г. Саратова). Оп. 1. Ед. хр. 81.
25. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 327.

Поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 12.04.2023  
The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 12.04.2023